

**«КАЖЕТСЯ, НИКОГДА ЕЩЕ НЕ БЫЛО ТАКОЙ ВОЙНЫ,
ЧТОБЫ ПЛАНЫ ПРОТИВНИКА ТАК БЫСТРО СТАНОВИЛИСЬ
ИЗВЕСТНЫМИ...»**

Радиоразведка и подслушивание телефонных переговоров на русском фронте в Первую мировую войну

Аннотация. В статье исследуются подробности использования радио- и проводной связи при ведении разведки враждовавшими сторонами в ходе Первой мировой войны (1914—1918 гг.).

Ключевые слова: Первая мировая война; Русский (Восточный) фронт; боевые операции; радиоразведка и подслушивание.

Summary. The article analyses the use of radio and wire communications in the conduct of intelligence by warring sides in the course of World war I (1914–1918).

Keywords: World war I; Russian (Eastern) front; military operations; radio reconnaissance and eavesdropping.

Эффективно действовали радиоразведки в кампании 1915 года, начало которого принесло русским войскам и успехи и неудачи. Так, в январе—феврале 20-й армейский корпус оказался окружённым в Августовских лесах (Восточная Пруссия, близ г. Августов), а 10-я армия вынужденно отступала. По воспоминаниям начальника штаба последней, из рук нашего командования «была окончательно вырвана инициатива действий, и с этого времени все операции Северо-Западного фронта свелись к пассивной обороне или к отражению отдельных ударов, систематически наносившихся немцами»¹. Подтверждая этот вывод, генерал И.А. Хольмсен свидетельствовал: «Опасения генерала Сиверса о возможности охвата противником фланга [русской] 10-й армии были оставлены без внимания Штабом фронта на том основании, что, как выразился Генерал-Квартирмейстер Штаба фронта, ген. Бонч-Бруевич, “противник вряд ли на это решится, имея на фланге 12-ю армию”»². Но 12 А (командующий генерал от кавалерии П.А. Плеве (10 пд и 7 кд) с сосредоточением запаздывала, и хотя её манёвр «строго засекретили»,

немцы по переговорам через искровой телеграф (вновь оказалось знание чужих шифров) «проникли» и в эту тайну.

Проявила себя служба радиоперехвата во время боёв в Карпатах (январь—март 1915 г.), куда немцы перебросили до 100 тыс. солдат. Об этом сообщает, к примеру, Рейхсархив, называя германскую «союзническую помощь» значимым подкреплением для 45 австро-венгерских пехотных дивизий³. Из архивных документов можно узнать, что «русское командование северо-западного фронта уже 20 января получило сведения о прибытии германских частей под Мункач». Перехватив спустя три дня радиограмму генерал-квартирмейстера 11-й русской армии, немцы были осведомлены и о полученной нашей разведкой информации относительно переброски «двух—трех баварских корпусов на карпатский фронт, частично в Буковину» и ответных мер нашего командования — «вынужденной переброски в Карпаты одного корпуса из 10-й армии». Торжествуя, немцы засчитали такой манёвр в свою пользу, поскольку он «значительно облегчил планировавшийся разгром этой армии в мазурском сражении»⁴. По свидетельству австрийского специалиста М. Ронге, «осведомлённость о секретнейших планах русских не могла долго оставаться тайной для них», хотя «разведывательная служба русских также проявляла большую активность». На неё тратились «большие расходы и усилия», а она не знала «о нас столько, сколько знали мы и германцы о них». В общей сложности, по его словам, им «пришлось раскрыть около 16 русских шифров». Когда противоборствующая сторона «догадалась», что собственные радиограммы её же «предают», то подумала, что кто-то продал шифры. «Русское шпиоискательство принимало своеобразные формы, — иронизировал Ронге. — Чем хуже было положение русских на фронте, тем чаще и громче раздавался в армии крик: «предательство»»⁵.

В то же время неудавшаяся попытка двойного охвата наших войск в Польше с ударом на Седлец побудила германо-австрийское командование искать новую форму оперативного решения на востоке. Планирование осуществлялось в тяжёлой обстановке неудач как на северо-западе, так и на юго-западе и под угрозой близкого краха австро-венгерского союзника. Решение задачи глубокого прорыва Русского фронта возлагалось на Горлицкую операцию (апрель—июнь 1915 г.), планировавшуюся в строжайшей тайне. Для её осуществления «оголялся Французский фронт», жертвенно «отдававший» на фронт Восточный лучшие германские соединения. Из них сформировали 11-ю армию. При этом главный удар, в интересах которого создавалось превосходство над русскими, сопровождался отвлекающими действиями на других участках фронта, а чтобы ввести неприятеля в заблуждение, был предпринят ложный

железнодорожный манёвр. М. Ронге по этому поводу вспоминал: «Мы установили, что 3-я русская армия, против которой должен был направиться удар 11-й и 4-й армий в направлении Тарнова, состояла из 14 пехотных и 5 кавалерийских дивизий, причём не менее 5 бригад пехоты состояло из ополченцев... Однако вследствие переброски частей на другие направления силы эти считались русскими недостаточными, о чем мы узнали из русских радиogramм... В данный момент внимание русских было направлено на восточный фланг карпатского фронта...»⁶.

Наша разведка действительно ещё за 10 дней до упомянутого удара знала о готовившемся наступлении. В частности, радисты, обнаружив работу германских «коллег», отличавшихся по почерку от австро-венгерских, выявили появление на фронте в апреле 1915го новых вражеских корпусов, переброшенных в Галицию. Но объективная ситуация помешала использовать как следует столь ценную информацию. Участник событий отмечал: «Во время операции под Горлицей наша радиослужба опять торжествовала. В особенности много работала радиостанция майора Покорного, непосредственно следовавшая за 11-й армией. Она работала удачно, несмотря на то, что иногда ей мешала работа германских радиостанций»⁷. Очередная смена 30 апреля шифров и позывных нашей стороной тоже желаемого результата не принесла.

Наиболее знаковыми успехами австро-германской службы радиоперехвата в период осуществления Горлицкого прорыва можно считать: 1) обнаружение переброски русского бго армейского корпуса в Галицию (именно по радиопереговорам было установлено прибытие его частей в Рогатин 23—24 мая); 2) обнаружение переброски дивизии 1-го Кавказского армейского корпуса с Кавказа в Галицию (14 мая); 3) раскрытие основных решений нашего командования о контрнаступлении против армейской группы Пфланцера-Балтина. Во время проведения операции, окончившейся отходом русских от Дуная и Карпат к Сану и Днестру, вражеская радиоразведка сумела зафиксировать и основные оперативные решения второй стороны, и ряд сведений тактического характера.

Эффективно функционировали радиослужбы австро-германцев и в период отступления русских армий летом 1915 года. «Радиослужба, авиация и агентура, — хвастал Ронге, — образцово вели общую работу и дали командованию полную ориентировку в группировках сил противника и в направлении их отхода. 23 августа было дешифровано 52 радиogramмы противника. За победным шествием в направлении Брест-Литовска следовал майор Покорный со своей радиоразведкой...»⁸.

В ходе успешных для нас осенних боёв (операции на Серете и у Луцка) готовилось контрнаступление, так как нажим австрийцев угрожал г. Ровно. По данным М. Ронге, они

установили с помощью радио переброску находившегося в резерве нашего 30-го корпуса для поддержки правого фланга. Австрийский специалист свидетельствовал: «Наше радиоподслушивание своевременно дало сведения о переброске 33-го корпуса, и можно было предполагать, что 13 сентября он перейдет в наступление. 33-й корпус нанес удар в наш левый фланг, и русские опять продвинулись до Стыри, но быстро отошли назад, когда обнаружилось наступление германской армии из-за Полесья во фланг русским. Русские решили увлечь за собой преследующего противника на свои прежние позиции с тем, чтобы потом ударить ему во фланг группой, подготовленной для этой цели в Полесье. Этот план разрушила наша радиослужба, разоблачившая русские намерения»⁹. Вместе с тем осенние операции войск русского Юго-Западного фронта помимо стабилизирующего воздействия на общую обстановку привели к тому, что, по свидетельству М. Ронге, «результаты наступления на Ровно заставили нас изменить план действий против Сербии»¹⁰.

«Сопровождала» австро-германская радиоразведка, обнаружив «в Одессе штаб 7-й армии и дунайский отряд в Рении», и подготовку предполагавшейся операции по высадке нашего десанта в связи с выступлением Болгарии на стороне германского блока¹¹. Так, в конце ноября—декабре 1915 года 7 А и 9 А с целью оказания помощи гибнущим сербской и черногорской армиям предприняли наступление на р. Стрыпа. Недостаточно продуманное в тактическом отношении и слабо подготовленное по части артиллерийского обеспечения и разведки, оно не привело к прорыву глубокоэшелонированных вражеских позиций. Вследствие неудачной активности запланированная помощь союзникам завершилась лишь переброской из Сербии на Русский фронт 107-й германской пехотной дивизии. Пospособствовало неудаче и знание наших оперативных планов противником, что подтверждали его радиоспециалисты. «С целью помощи угрожаемой теперь Черногории, — сообщали они, — русские решили перебросить пополненную 7ю армию на восточно-галицийский фронт и соответственно переместить 9-ю и 11-ю армии. Об этом мы узнали из русских радиogramм и от своей агентуры... К нашей радости, 4-я русская армия передала по радио (шифром) выводы о положении на русском фронте. 2 декабря штаб русского Юго-Западного фронта приказал прекратить работу передающих радиостанций. С этим приказанием он несколько опоздал... 20 декабря вечером русскими была возобновлена радиосвязь и введен в действие новый, 13-й по счету, шифр. Этот шифр нами был уже давно раскрыт, так как рации армий других русских фронтов пользовались этим шифром ещё с 14 декабря. Положение было и оставалось для нас совершенно ясным в течение всех новогодних боёв, предпринятых русскими»¹².

Установив благодаря радиоразведке факты перевозки 7-й армии на Гусятин и Волочиск, а также перегруппировки частей 9-й и 11-й армий, австро-венгерское командование пришло к совершенно верному заключению о готовившейся операции в Галиции. Фактически благодаря отличной радиоразведке австрийцам удалось выйти из этой операции победителями и нанести русским войскам чувствительный урон.

Радиоперехват противника был одним из важнейших слагаемых успеха австро-германских войск. В кампании 1915 года они имели неоспоримое техническое превосходство в средствах вооружения и боеприпасах, а также управленческое, обогащавшееся упомянутой осведомлённостью о планах русского командования. В 1916-м система той же австрийской радиоразведки структурировалась и технически развивалась, по словам их специалистов, следующим образом: «Радиоразведка обогатилась новым способом засечки (пеленгирования) неприятельских радиостанций при помощи наблюдения с нескольких точек. Впервые новый метод был испытан на русском фронте при участии трех пеленгаторных станций, расположенных в Броды, Коломыя и Черновицы... Вскоре этот метод начал давать отличные результаты. В марте 1916 г. радиослужба на русском фронте получила стройную организацию, причем каждой станции подслушивания был нарезан определенный участок неприятельского фронта. Главным руководителем был назначен капитан Болдескул... Капитану Болдескулу было подчинено 6 станций, или групп: в Барановичах, Ковеле, Берестечке, Бродях, Бржезанах и Коломыя»¹³. Вместе с тем наша радиоразведка уже вела эффективную борьбу с австро-германской. М. Ронге вспоминал: «Как мы узнали из русских радиограмм, вскоре они тоже стали применять “радиокомпасные станции”, имевшие такие же задачи, как и наши радиопеленгаторные станции. Мы совершенно прекратили передачу по радио; германцы же от нее не отказались, хотя и знали о возможности засечки и установили наличие в Николаеве специальной школы радиоподслушивания»¹⁴.

Успех Брусиловского прорыва в 1916 году тоже не в последнюю очередь был обусловлен тщательностью планирования и подготовки со стороны нашего командования. Так, письменных распоряжений почти не отдавалось; все мероприятия по подготовке к операции разрабатывались и сообщались командному составу лично на совещаниях; радиопередачи были сведены к минимуму. На высоте оказалась и разведка. М. Ронге был вынужден констатировать: «На этот раз следовало похвалить и русскую разведывательную службу»¹⁵. Особенно он выделил 7-ю и 9-ю армии Юго-Западного фронта. В результате скрытность с нашей стороны была сохранена в полной мере, а австрийская разведка об операции сведений, заслуживавших доверия, не имела.

Однако случались и сбои. «Во время этой маневренной войны, — уточнял вражеский специалист, — русские радиостанции вновь стали очень разговорчивы. Мы ежедневно дешифровали до 70 радиোগрам с оперативными приказами, сводками о перемещениях начальников и т.п. Новые правила радиопередачи и новый шифр, объявленные 10 июня, вызывали недовольство русских штабов вследствие их сложности. Ввиду этого ряд штабов продолжал пользоваться старым шифром и правилами, что в огромной степени облегчало раскрытие нового шифра. Штаб гвардейской группы, включенной в состав 8-й армии, объявил в нешифрованной радиোগрамме ключ нового шифра. За этим последовал взрыв возмущения в штабе 8й армии и введение штабом юго-западного фронта нового шифра. Однако, к нашему удовольствию, старым шифром было объявлено, что вторичной перешифровки не требуется»¹⁶. Примечательны и иные строки воспоминаний: «В связи с неудачами на русском фронте и потерей Горицы австро-венгерский фронт против России пришлось в значительной мере укрепить германскими войсками. Поэтому с 2 августа 1916 г. большая часть этого фронта была подчинена германскому командованию... Одна лишь агентурная разведка осталась без изменений. Германцы даже просили продолжать обслуживать их нашей отлично работавшей радиоразведкой»¹⁷.

Русское командование прилагало много усилий, чтобы путём совместного координированного наступления с помощью новых технических средств добиться крупных оперативных успехов. К примеру, отличная организация радиослужбы на Кавказском фронте — одно из условий серии значительных побед русской армии на данном театре военных действий. Зимняя кампания 1914—1915 гг. привела к поражению турок в Сарыкамышской операции, когда нашим войскам удалось разгромить их 3ю армию, стремившуюся к окружению наших главных сил. Перелом в казавшейся вначале безнадёжной ситуации обеспечил почти уничтожение двух вражеских корпусов (10-го и 9-го). Турки в общей сложности потеряли до 90 тыс. человек, в том числе 3500 пленными, среди которых оказались командир 9-го корпуса Исханпаша, начальники 17, 28 и 29-й дивизий и много офицеров. Историк войны на Кавказе бывший квартирмейстер Кавказской армии генерал-лейтенант Е.В. Масловский так характеризовал эти потери: «9-й турецкий корпус перестал существовать; также надо было целиком вновь формировать 30-ю дивизию 10-го корпуса и 34-ю дивизию 11-го корпуса... В рядах армии к 10-му января 1915 г. состояло лишь 12 400 человек. Это из 150 тысяч, начавших операцию. Фактически 3-я турецкая армия была уничтожена»¹⁸.

С гибелью одной из трёх турецких армий, бывших у Османской империи к началу войны, была выведена из строя треть её вооружённых сил. О фактическом уничтожении 3-й армии в Сарыкамышской операции свидетельствовал и генерал от кавалерии, маршал Турции, германский уполномоченный при турецком верховном командовании (одновременно командующий 1-й турецкой армией) О. Лиман фон Сандерс: «Названная операция, в которой главное командование 3-й армией принял сам Энвер, закончилась уничтожением этой армии, которая из турецких оперативных соединений первой вступила в мировую войну»¹⁹. Результатом столь значимого успеха стало упрочение положения России на Кавказе, приобретение русскими войсками чувства превосходства над турецкой армией, выход на позиции для дальнейшего наступления. 2 корпуса, которые были направлены на германо-австрийский ТВД в начале войны, были дополнены ещё полутора корпусами. Обстановка позволяла это сделать, поскольку 3-я турецкая армия на полгода была фактически выведена из строя. И эту инициативу Россия удерживала в течение всей войны. Уместно отметить, что залогом такой ситуации явился грамотный подход русского командования к радиосвязи. Так, в соответствии с приказом командующего Кавказской армией генерала Н.Н. Юденича за войсками, действовавшими на основных направлениях, были организованы несколько радиопередающих станций в штабе армии и штабах дивизий (отрядов). На высотах, перевалах, в долинах и ущельях находились промежуточные ретрансляционные радиостанции. Для обеспечения управления соединениями, действовавшими от Батума до Товиза, работало около 30 полевых радиостанций.

В конце 1915 года после поражения англо-французских войск в Галлиполийской операции русские войска с целью упредить переброску неприятельских резервов с Дарданелльского фронта на усиление 3-й турецкой армии осуществили Эрзерумскую операцию. Обращает на себя внимание тщательная подготовка к ней. К примеру, принимались меры по дезинформации турок и охране тайны операции: служба радиосвязи была объединена в отдельную радиогруппу, подчинённую штабу фронта, производились ложные манёвры и заготовки фуража. Сам командарм, не доверяя телеграфу, лично отправился в середине декабря экстренным поездом в Тифлис, чтобы получить у главнокомандующего фронтом санкцию на проведение операции; командиры корпусов получили задания секретным порядком. Важнейшим её итогом стало овладение в феврале 1916 года единственным укреплённым пунктом турок в Малой Азии — крепостью Эрзерум, что потребовало срочной отправки турками подкреплений в Армению со всех театров военных действий. Этим было облегчено положение

английских войск в районе Суэцкого канала и в Месопотамии. Занятие Эрзерума открывало также путь в Анатолию — базовый во всех аспектах регион Оттоманской империи.

Хотя благодаря разведке (радиоразведке в том числе) русское командование имело исчерпывающие сведения о противнике при подготовке к Рижской операции (август 1917 г.), она завершилась для участвовавшей в ней 12-й армии неудачей. Впрочем, оказало большое влияние на печальный итог и общее состояние в войсках, в частности многовластие, или лучше сказать, безвластие. Революционное время наложило значительный отпечаток на боеспособность объединений, соединений, частей. Участник боёв офицер С. Посевин рассуждал по этому поводу следующим образом: «Перейди русская 12[я] армия за Двиной, против Риги, в контратаку, и к вечеру 19 августа вся германская артиллерийская масса и большая часть территории Курляндии были бы в руках русских армий, без особых к тому усилий, а перебравшуюся через реку Двину у Икскюля германскую пехоту заставили бы вернуться обратно в исходное положение. Нужно подчеркнуть — это сделано не было. Всевластные комитеты и Главкосев были против»²⁰.

Проявила себя русская радиоразведка и в период Моонзундской операции. «Появление неприятеля перед Эзелем и высадка его войск, — можно прочитать в одном из исследований, — конечно, живейшим образом встревожили высшее командование... При этом из разобранного нами немецкого радио обнаружилось, что немцы понимают наш радиокод: из Либавы было донесено начальнику Отряда особого назначения о выходе в 13 час. наших подводных лодок из Ганге на вест, о чем было передано у нас по радиокоду»²¹. Таким образом, 1917 год характерен как высшим развитием технической составляющей русской армии, так и её неспособностью использовать достигнутые результаты вследствие разложения основной массы войск. Вместе с тем этот год «воинского и общественного разложения» был наполнен, как уже отмечалось, и внедрением в интересах разведслужбы аппаратов подслушивания телефонных разговоров противника. Использование новейших средств и методов, например, позволило иметь осенью 1917-го полную информацию о соответствующей организации службы австро-венгерской армии. Удачным оказалось и пленение начальника австрийской станции подслушивания, на основе показаний которого вместе с другими разведданными была установлена организационная структура подслушивающей системы. Постановка столь важной составляющей вражеской разведки послужила поучительным опытом и для нашего командования, и для наших связистов и радиоспециалистов.

Телефонное подслушивание имело больше тактическое (войсковое) значение, воплощавшееся в весомые результаты. Так, оно позволяло получать ценные сведения и проверять данные других средств разведки. «Во время русского наступления [Нарочская операция] в марте 1916 г., — резюмировал М. Ронге, — подслушивание оказало большую помощь германским войскам, подслушивавшим приказы о наступлении. Вплоть до 3 августа 1916 г. русские даже и не подозревали о существовании подобного нового изобретения. Как мы узнали из радиопеши генерала Алексева, русские сочли захваченную у нас станцию подслушивания за германские подземные телефонные аппараты. Однако пять дней спустя русский перебежчик рассказал, что один из наших дезертиров уже объяснил русским технику и методы подслушивания, и с середины 1916 г. они стали применять сами эти методы»²². Ценные услуги служба телефонного подслушивания оказала противнику в период летнего наступления войск Юго-Западного фронта (1917 г.). По наблюдениям австрийского специалиста, эта служба вместе с радиоразведкой «полностью торжествовала». Он вспоминал: «Брусилов, как мы скоро выяснили, наметил организовать прорыв у Бржезан, Зборова и Станиславова. Уже 25 июня мы знали, что наступление под Бржезанами и Зборовым начнется 29 июня. Из собранных здесь 29 дивизий 11-й и 7-й армий 14 давно уже находились в резерве... Эти данные побудили наше командование разработать план большого контрнаступления»²³. И действительно, умелая с помощью технических средств организация контрнаступления австро-германских войск (июль 1917 г.) лишила Россию предыдущих успешных результатов (наступательные действия 1916-го). В частности, из Франции 30 июня отправились на Русский фронт 7 отборных дивизий (они вошли в состав 23-го резервного, 51-го и Бескидского корпусов); на Злочевском отряде противника (12 дивизий, из них 11 немецких) лежала заслуга в организации контрудара по русским войскам.

В нашей армии подслушиванием занимались появившиеся в конце войны полевые телефонные учебные команды, имевшие соответствующие подготовку и оснащение. Они вели наряду с телефонным подслушиванием и борьбу с подобной вражеской деятельностью. Наиболее эффективными мерами в этой борьбе считались: 1) использование двухпроводной системы телефонных линий; 2) жёсткий технический контроль над противником и средствами связи; 3) применение других средств передачи информации. Пускались в ход также специальные приборы для подслушивания и звуковая завеса (звукомаскировка)²⁴. Примечательно, что если радиоперехват представлял наибольшую ценность для манёвренной войны, то подслушивание

телефонных разговоров эффективнее всего проявляло себя в период позиционных боевых действий.

Одной из функций радиоразведки была постановка радиопомех, создававшихся с целью нарушения радиосвязи между штабами армий, корпусов и дивизий противника. В период Первой мировой войны помехи применялись эпизодически, так как воюющие стороны отдавали предпочтение перехвату радиопередач, а не их срыву. Для создания помех, как правило, использовались обычные средства радиосвязи, но в германской армии — специальные станции радиопомех. В комплекте последних, кроме передатчиков, имелись радиоприёмные устройства, обеспечивавшие радиоперехват и наведение передатчиков радиопомех на цели. Так, в 1916—1917 гг. на Русском фронте постановки радиопомех имели целью затруднение или задержку приёма радиogramм, а также кратковременный обман противника.

В ходе боевых действий делались и первые попытки радиодезинформации. Например, весной 1916 года на русском Западном фронте с целью скрыть направление главного удара готовившегося в марте наступления (Нарочская операция) севернее г. Молодечно для поддержки связи со штабами 4-й и 10-й армий были развёрнуты несколько радиостанций. Немцы, разведав их работу, подтянули в данный район резервы. Впоследствии на основе данных воздушной разведки они всё же убедились, что это лишь «радиодемонстрация и мистификация».

На основе архивных документов, исследовательских работ и воспоминаний участников событий можно сделать следующие выводы: 1. В начале войны грамотно пользоваться радиосвязью не умели все противоборствующие стороны. Немцы, например, тоже очень часто передавали важные сообщения открытым текстом, нешифрованно. Так, германский конный корпус в октябре 1914 года во время операции «Бег к морю» ежедневно нешифрованно сообщал по радио обо всех своих передвижениях. «Не отставало» и русское командование, буквально предупреждая противника о своих планах. Столь бездумное отношение к радиотелеграфу в немалой степени способствовало позиционности Первой мировой войны. Небрежность и беспечность командований (особенно русского) дорого стоили корпусам и армиям воюющих сторон. 2. В первую половину войны приоритет в организации радиоразведки был у австрийцев и немцев. С 1916 года активизировалась русская радиоразведка. 3. Фактически наиболее выдающейся радиоразведкой мировой войны была австрийская. Она способствовала смягчению боевых неудач и реализации оперативных успехов, содействовала союзным разведкам. Несмотря на некоторое преувеличение в смысле структурированности радиоразведки, интенсивности и качества её работы, а также влияния на боевые события, освещавшаяся ситуация в целом

соответствовала действительности. 4. Забвение и незнание командованием русской армии элементарнейших правил радиокорреспондирования открывало для вражеской радиоразведки широкие возможности. В начале войны русское командование совершенно не продумало вопрос о противодействии радиоразведке противника и радиозащите фронтовых командных инстанций. Неприятель извлекал из радиоэфира те сведения, которые считал нужными, причём его высокие стартовые возможности и накопленный опыт позволили ему сохранить лидирующие позиции в этом вопросе до конца войны. 5. Эффект радиоразведки проистекал не от самого факта перехвата радио, а от результатов дешифрования и изучения перехваченного материала. Стоит отметить, что и в области дешифрования те же австрийцы превзошли многих. Предпринимавшиеся русскими контрмеры в виде частой смены позывных не достигали своей цели, так как это лишь усложняло работу, но отнюдь не делало её невозможной. В 1917 году, по признанию противника, смена позывных, наоборот, была признана даже желательной, поскольку она давала возможность проверить наличие всех раций, в том числе и не принимавших некоторое время участия в работе. Как недостаток с нашей стороны, всемерно использованный австрийцами, — одновременное введение в действие того или иного шифра. Погрешности в этом отношении значительно облегчали неприятелю процесс дешифрования. 6. Фактически в течение всей войны имело место соревнование между шифровщиками и дешифровщиками. Несмотря на то что к весне 1915 года в русских войсках полностью отказались от старой системы шифров, а летом 1916-го был введён новый тип шифра с 300 шифровальными группами, полной секретности сообщений добиться так и не удалось. 7. В 1916 году появилось новое средство радиоразведки — пеленгирование. С этого момента радиосеть подразделялась на приёмно-подслушивающие и пеленгаторные рации, объединявшиеся в радиогруппы и состоявшие в основном из 4—8 станций. Распределение технических средств определялось специфическими особенностями того или иного фронта. Радиогруппа получала для подслушивания конкретный сектор с таким расчётом, чтобы каждая наша рация подслушивалась 2—3 австрийскими рациями. Пеленгаторным же группам поручалась проверка нахождения неприятельских раций. Используя данные радиопеленгования, радиоразведка получила возможность по типам, количеству и расположению радиостанций вскрывать группировку войск, её изменения, а иногда и намерения противника. 8. Весомую тактическую ценность, особенно в позиционной войне, имело телефонное прослушивание, причём не только для младшего и среднего, но и высшего командования.

Таким образом, в конце войны помимо развития технических способов и средств радиоразведки проявилась другая тенденция — воюющие стороны научились постепенно всё

меньше и меньше пользоваться радио, учтя ту «предательскую» роль, которую оно сыграло в ходе боевых действий. Неудивительно поэтому, что эффект радиоразведки по сравнению с началом войны снизился. Так как в войсках было мало радиостанций, их радиопеленгование практически всегда позволяло определять районы расположения крупных штабов, построение боевых порядков и направления выдвижения оперативных объединений и войсковых соединений. Именно поэтому в ходе войны радиоразведка оформилась в самостоятельный вид военной разведки. В целом радиоразведка была мощнейшим инструментом воздействия на тактическую, оперативную и даже стратегическую обстановку, особенно на Русском фронте. От её эффективности зависели судьбы армий, фронтов, да и во многом определялся результат вооружённого противостояния.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Будберг А.П. Из воспоминаний о войне 1914—1917 гг. Третья Восточно-Прусская катастрофа 25.01. — 08.02.1915. С.Франциско, б.г. С. 49.

² Хольмсен И.А. Мировая война. Наши операции на Восточно-Прусском фронте зимою 1915 г. Воспоминания и мысли. Париж, 1935. С. 38.

³ Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914—1918. Bd 7. Winter und Frühjahr 1915. Berlin, 1931. S. 142.

⁴ См.: Ронге М. Разведка и контрразведка. СПб., 2004. С. 142.

⁵ Там же. С. 144—146.

⁶ Там же. С. 150.

⁷ Там же. С. 152.

⁸ Там же. С. 167.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 173.

¹¹ Там же. С. 177.

¹² Там же. С. 178, 179.

¹³ Там же. С. 189.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 200.

¹⁶ Там же. С. 201.

¹⁷ Там же. С. 203.

¹⁸ *Масловский Е.В.* Мировая война на Кавказском фронте 1914—1917 гг. Стратегический очерк. Париж, 1933. С. 133.

¹⁹ Цит. по: *Арутюнян А.О.* Кавказский фронт 1914—1917. Ереван, 1971. С. 148.

²⁰ *Посевин С.* Гибель империи. Северный фронт (из дневника штабного офицера для поручений). Рига, 1932. С. 29.

²¹ *Коссинский А.М.* Моонзундская операция Балтийского флота 1917 года. Л., 1928. С. 67.

²² *Ронге М.* Указ. соч. С. 188.

²³ Там же. С. 261.

²⁴ *Цабель С.А.* Меры борьбы с подслушиванием телефонных переговоров // Военное дело. 1919. № 15—16. Стб. 555.

*Олейников Алексей Владимирович - кандидат юридических наук, доктор исторических наук, доцент
Кафедры гражданско-правовых дисциплин Астраханского государственного технического
университета.*